

с «первым евразийцем» кн. Н. С. Трубецким достигло 0,50 по содержанию (но при этом всего 0,10 по методологии), а Дж. Р. Р. Толкиена с Г. Виртом — 0,45 по содержанию. По методам же оба английских автора резко выбиваются из общей картины. Собственно, нули в последней строчке таблицы 6 проставлены условно, в силу того, что число нарушений научной методологии у Толкиена и так равно нулю: при строгом вычислении по формуле (1) получилось бы деление на ноль.

Какие же отсюда следуют выводы? Во-первых, мы можем смело исключить их числа исторических мифотворцев А. Дж. Тойнби и Дж. Р. Р. Толкиена. У первого из них число нарушений научной процедуры пренебрежимо мало (напомним, что сам он был не учёным-историком, а философом истории). Второй же не нарушает научных правил уже потому, что его миф и не претендует на научность, а стало быть, не обязан подчиняться её требованиям.

Во-вторых, всё сказанное позволяет рассматривать современный исторический миф как разновидность *антинауки*, независимо от намерений авторов и степени их образованности, в том числе исторической.

V.3. Миф как антинаука

V.3.1. Виды антинауки

В 1967 г., на исходе «оттепели», известный физик-кристаллограф и популяризатор науки профессор А. И. Китайгородский выпустил книгу со странным названием — «Реникса». Само это слово придумано ещё Чеховым. В IV действии его «Трёх сестёр» Кулыгин рассказывает анекдот:

«В какой-то семинарии учитель написал на сочинении “*чепуха*”, а ученик прочёл “*реникса*” — думал, по-латыни написано. (*Смеётся.*) Смешно удивительно».

Однако для А. И. Китайгородского «реникса» — не всякая чушь, а чушь с претензией на научность, бредовость которой прикрыта «современной» терминологией. В стране, где «антинаучный бред» уже полвека был синонимом «идеологической диверсии», впервые автор-учёный объяснил широкой публике, что такое на самом деле антинаука и каковы её признаки, впервые подробно (и с критикой, и с примерами) рассказал не только о лысенковщине, но и о телепатии, спиритизме, парапсихологии. Книга быстро стала культовой (в 1973 г. понадобилось второе издание), а непонятное, но красивое слово — модным. Если сегодня ввести его в поисковую систему, среди результатов окажется и юридическая фирма, и студенческий клуб, и даже имя героини какой-то повести.

«Несколько условно лженауки можно разбить на две категории: такие, в основе которых лежат неверно интерпретируемые факты, — это лжефизика, лжехимия, лжебиология; и такие, в основе которых лежат выдуманные факты, — это астрология, хиромантия, парапсихология» (Китайгородский 1967: 114). Позже профессор В. П. Даниленко предложил для них свои названия: соответственно паранаука (*para* — около, греч.) и квазинаука (*quasi* — вроде, лат.), или лженаука в собственном смысле слова. И конструкции Г. Вирта и А. Т. Фоменко он отнёс именно к «культурологическим квазинаукам» (Даниленко 2002).

Паранаука — это современная мистика. Нередко её называют также эзотерикой, не понимая значения этого слова. Ведь для подлинных мистиков эзотериче-

ские знания означают — доступные не всем. В эзотерических сектах кандидатов на следующий уровень отбирают годами по принципам способностей и моральной высоты: считается, что эти знания слишком опасны, чтобы допустить к ним дурака, эгоиста, властолюбца. Для сравнения: мы все понимаем, почему технология изготовления атомной бомбы не должна быть общеизвестной. Только террористов с атомом в руках нам и не хватало! Поэтому эзотерические знания ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ НЕ МОГУТ продаваться на любом книжном развале по грошовой цене.

Для нас, однако, сейчас важнее другое: паранаука опирается на вымышленные или сфабрикованные факты, при этом лишь камуфлируюсь под науку и всюю ругая «недоверчивых учёных» и «цеховых историописателей». Обычно речь идёт просто о саморекламе, порой даже полезной. Диоген Лаэртский (VIII, 11) сообщает о Пифагоре: «Рассказывают, что однажды, когда он разделся, у него увидели золотое бедро», и А. Н. Чанышев комментирует: «Пифагор, в отличие от ионийских философов-одиночек, выступил первым пропагандистом философии, а для того, чтобы иметь успех у привыкших к старым ценностям слушателей, золотое бедро было нелишним» (Чанышев 1981: 144). Большинство трюков такого рода сейчас с успехом демонстрируют иллюзионисты. Рассказывают, что после одного из концертов Игоря Кио журналист спросил священника о его впечатлениях, и тот, улыбнувшись, ответил: «Теперь я понял, что на свете существуют чудеса».

Новое в этой сфере — лишь маскировка именно под науку. «Профессор чёрной магии» — фигура нового времени: раньше эти люди, желая скрыть свой артистизм, претендовали не на академический титул, а на ранг чудотворца или пророка. Уже одно то, что в наши дни магия маскируется под науку, а наука под магию — нет (разве что в шутку, как в «Понедельнике» Стругацких), говорит о том, где тут поиск истины, а где — дымовая завеса.

Иное дело — лженаука в узком смысле слова. Деятели этой сферы претендуют на роль именно учёных, а не магов или мистиков, но при этом нарушают основные принципы научности, обманывая в результате не только других, но нередко и сами себя. Хорошо известные факты и их смыслы здесь «редактируются» с нарушением правил научной процедуры. Так, неряшливо поставленный опыт мог убедить О. Б. Лепешинскую (одного из виднейших соратников Лысенко) в возможности самозарождения жизни — в этом трагедии ещё нет, в такую ловушку попадали и крупнейшие учёные. Борьба И. В. Гёте против ньютоновской оптики тоже началась с опыта, в котором Гёте не сумел разложить белый свет на цвета спектра, — однако последующие эксперименты позволили отделить научную истину от входящих обстоятельств (оказалось, что теория цвета Гёте относится не к физике, а к физиологии восприятия света живым глазом). А вот если место экспериментальной проверки занимает крикливая самореклама и карьерная борьба против «врагов»; если опыты подменяются подтягиванием «новой теории» к априорным философским представлениям и схоластическими выкладками; если к делу примешиваются идеологические (в том числе и патриотические) побуждения; если автор требует отказаться от всех достижений «классической» науки и слепо поверить в его правоту, — это уже лженаука.

Замечу в скобках, что определения: «новая наука», «новая хронология» и т. п. — всегда подозрительны сами по себе, так же как и названия с приставкой «пост-». Либо автор способен не только объяснить, но и определить в названии,

в чём его новизна, — либо новизны никакой нет, а есть лишь новые слова для обозначения банальных вещей. Что такое модерн, например? Для нас это уже не «новое» (*moderne*), а «старое доброе время», на которое успели нарасти и постмодерн, и даже постпостмодерн. Что вы отрицаете, господа, уже ясно, но что же вы предлагаете? Скажите внятно! Но ответа нет — есть лишь жонглирование словами, очень милое в художественной литературе, но совершенно неуместное в научном тексте. И признавать последний лишь одним из возможных видов дискурса — значит смешивать понятия.

«Мистика слова — неперенный признак лженауки. Истина скрыта в слове. «Сначала было слово...»» (Китайгородский 1967: 119).

Не случайно, как только была создана Комиссия РАН по борьбе с лженаукой, определённая часть прессы увидела в ней чуть ли не новую инквизицию. Примечательно, что среди протестующих нет признанных учёных, зато полно «непризнанных гениев» и славящих их корреспондентов в духе незабвенных Г. Проницательного и Б. Питомника. Эти «гении» не прочь встать в позу Галилея и Джордано Бруно, забывая, что у Галилея-то были экспериментальные результаты, которые не удалось опровергнуть. И когда П. К. Фейерабенд («*Против метода*», гл. 7, 13, 15) обвиняет Галилея чуть ли не в шарлатанстве и требует признать науку формой религии и, как таковую, отделить её от государства (там же, гл. 18), — не исключено, что это чистая зависть. Сам-то П. К. Фейерабенд никаких экспериментов не ставил и ничего на небе не открыл, хотя работал в научных центрах, где у него были возможности, каких и представить было нельзя в эпоху Галилея! И Галилей, и Бруно велики не тем, *что* их преследовала инквизиция, а тем, *за что* преследовала. А многие ли из соратников Фейерабенда скажут, за какие такие убеждения был сожжён Джордано Бруно? И, стало быть, может ли себя с ним равнять, допустим, изобретатель очередного вечного двигателя?

В своё время Ф. Ницше, явно вспоминая о своих профессорских годах в благодушном Базеле, писал:

«Моя память — память человека науки, с позволения сказать! — изобилует наивными выходками высокомерия со стороны молодых естествоиспытателей и старых врачей по отношению к философии и философам (не говоря уже об образованнейших и спесивейших из всех учёных, о филологах и педагогах, являющихся таковыми по призванию —). То это был специалист и подёнщик, инстинктивно оборонявшийся вообще от всяких синтетических задач и способностей; то прилежный работник, почуявший запах *otium* и аристократической роскоши в душевном мире философа и почувствовавший себя при этом обиженным и униженным» (*По ту сторону добра и зла*, VI, 204). «Причиной самого дурного и опасного, на что способен учёный, является инстинкт посредственности, свойственный его породе: тот иезуитизм посредственности, который инстинктивно работает над уничтожением необыкновенного человека и старается сломать или — ещё лучше! — ослабить каждый натянутый лук» (там же, 206).

Но не вернулся ли мяч на другую половину поля? Не видим ли мы у Фейерабенда как раз зависть спекулятивного философа к учёным, ценой тяжкой подёнщины получающим *надёжные* результаты? И теперь уже он стремится «ослабить каждый натянутый лук». И зависть эта — не только философская: ведь П. К. Фейерабенд возводит в «научный» ранг (то есть в тот ранг, до которого он *опускает* на-

уку) не только спекулятивную философию и религию, но и эзотерику, «нетрадиционную» медицину — и далее весь список.

Вообще, что это за «лук», о котором писал Ф. Ницше? Это явно творческие способности и то чувство, которое А. Бергсон позже назовёт «жизненным порывом» (*élan vital*). Но одних способностей мало, нужны ещё средства и цели. Если их нет, *élan vital* превращается в слепую, мятущуюся, саморазрушительную силу. Если они выбраны неверно, «порыв» становится крайне опасным — это показала история всех стихийных массовых движений. Стихийность — свойство и привилегия творца-одиночки, но массовая стихийность — непомерная роскошь для современного сверхсложного мира, будь то даже массы образованнейших людей (например, философов).

П. К. Фейерабенд ведёт себя вполне как «человек массы»: «... заурядный человек, видя вокруг себя технически и социально совершенный мир, верит, что его произвела таким сама природа; ему никогда не приходит в голову, что всё это создано личными усилиями гениальных людей. Ещё меньше он подозревает о том, что без дальнейших усилий этих людей великолепное здание рассыплется в самое короткое время» (Ортега-и-Гассет 1989: № 3, 138). Но если понимать это, придётся признать, что эти люди, на которых держится цивилизация, должны иметь все условия для своего специфического труда. Они не должны постоянно отвлекаться ни на политику, ни на споры с агрессивным невежеством, ни на бытовые проблемы (в конце концов, лично для себя им нужно немного, иначе они шли бы не в науку, а в бизнес и другие «денежные» сферы). Наука — ещё не всё ценное, что есть на свете, но у неё есть сфера, в которой её невозможно заменить ничем, и в этой сфере она должна быть полной хозяйкой. Вы хотите, чтобы учёный хотя бы на словах признавал астрологию? А как тогда насчёт взаимности? Насчёт того, чтобы самим *лично* решать дифференциальные уравнения или работать (опять же — не через дипломированных лакеев, а *лично*) в исторических архивах? Это не вопрос о том, лучше или хуже *вообще* наука или религия, это вопрос о демаркационных линиях. Точность (прежде всего в определениях) — вежливость не только королей, но и мыслителей, будь то учёные, философы, идеологи или кто угодно.

Но ведь проблема не только в откровенных шарлатанах и схоластах. Есть целая группа гуманитарных наук, которые Р. Фейнман (Нобелевский лауреат по физике, один из создателей атомной бомбы) назвал в 1974 г. «науками самолётопочклонников» (Фейнман {1974}): «У тихоокеанских островитян есть религия самолётопочклонников. Во время войны они видели, как приземляются самолёты, полные всяких хороших вещей, и они хотят, чтобы так было и теперь. Поэтому они устроили что-то вроде взлётно-посадочных полос, по сторонам их разложили костры, построили деревянную хижину, в которой сидит человек с деревяшками в форме наушников на голове и бамбуковыми палочками, торчащими как антенны — он диспетчер, — и они ждут, когда прилетят самолёты. Они делают всё правильно. По форме всё верно. Всё выглядит так же, как и раньше, но всё это не действует. Самолёты не садятся». Заметим в скобках, что в начале нашумевшего фильма Э. фон Деникена «Воспоминание о будущем» есть впечатляющие кадры этого культа, где рядом со взлётными полосами стоят даже очень натурально сделанные соломенные модели самолётов. И напряжённое ожидание на лицах туземцев. Между прочим, такие формы религии —

«культы карго» — существуют в Океании до сих пор и сыграли в её истории значительную, хотя и неоднозначную, роль (Harris 1987: 287—288).

Однако Р. Фейнман смеётся не над островитянами. Он прямо называет, например, педагогику и психологию. У нас есть научные педагогические теории — но качество образования падает, а если и растёт (как в СССР хрущёвской и брежневской эпохи), то по другим причинам, от педагогики не зависящим. У нас есть учителя-новаторы — но их идеи перестают работать, как только из личного опыта гениальных одиночек превращаются в научные теории и методические инструкции Министерства просвещения. У нас есть разработанная психология преступного поведения — но преступность не уменьшается (или опять-таки уменьшается не благодаря усилиям психологов). Вроде бы всё делается по научным правилам, но «самолёты не садятся»...

А. И. Китайгородский (1967: 68) практически в этот же список включает эстетику с её определениями красоты, гармоничности и прекрасного друг через друга. Возможно, это отзвук жарких споров вокруг эстетики в пору «оттепели» (см.: Шестаков 2008: 30—31). Между тем ни одно произведение искусства не создано по учебнику эстетики. Даже такой теоретик и в то же время творец, как Р. Вагнер, «в нужный момент забывал о своей доктрине» (Галь 1986: 273). А у его последователей, рабски следовавших указаниям мэтра, и вовсе ничего не вышло.

Причину Р. Фейнман видит в нарушениях принципа *научной честности*, причём в двух главных видах: а) ссылки даются только на факты, подтверждающие теорию, а не на всю совокупность фактов, включая и те, которые могли бы теорию опровергнуть; б) к единственному законному научному соображению — поиску чистой объективной истины — примешиваются другие: вопросы финансирования, рекламы, возможности издать результаты в намеченный срок, «диссертательность» темы и прочее, что относится не к науке как таковой, а к «научной кухне».

Не будучи учёным-естественником, автор этих строк не может рассуждать о лжефизике и лжебиологии, но очень жаль (хотя и понятно, что по той же причине), что А. И. Китайгородский не включил в свой перечень лжеисторию. А она-то нас сейчас и интересует.

Напрашивается провести здесь то же деление — на параистиорию (основанную на вымышленных или сознательно искажённых фактах) и лжеистиорию, в которой установленные факты не искажаются, но интерпретируются иначе, чем это допустимо в науке. Однако столь простое и логичное деление возможно далеко не всегда. Так, концепция «гиперборейской прародины» основана на явной выдумке, так же как и идея Е. П. Блаватской о пяти сменявших друг друга расах или З. Ситчина о «двенадцатой планете». Но уже с А. Розенбергом сложнее: «Гиперборея» у него есть, но занимает совсем мало места в общей картине, всё остальное — целенаправленное редактирование подлинных фактов и их смыслов. Ещё сложнее с Л. Н. Гумилёвым, у которого нет столь явных выдумок, зато по всем томам рассыпаны «мелкие неточности». Однако не обязательно раскладывать наших авторов по полочкам. Ведь результат един: вместо исторической науки получается исторический миф, рассчитанный не на познание, а на пропаганду.

Для любых форм такого мифа характерна претензия не просто на «научную революцию» в смысле Т. Куна, а на полное «зачёркивание» (излюбленное слово А. И. Китайгородского) всего, что было сделано и познано до них. «Сбросим с ко-

рабля современности» и Галилея, и Ньютона, и Эйнштейна — слушайте все меня одного! Ибо наука — одна, а мифов — множество.

«Дело в том, что положение науки и веры существенно различается. Наука практически не имеет на своём поле конкурентов: она с полной очевидностью доказала свою способность решать поставленные задачи. Попытки провозглашения “альтернативных”, “неофициальных” наук — уфологии, парапсихологии и иже с ними — практически не задевают Большую науку. В области веры совсем иная ситуация: на этом поле наблюдается жесточайшая конкуренция» (Сурдин 2000: № 12, 135).

Отсюда и различие во взглядах на собственное положение. Для учёного наука — это результат трудов миллионов исследователей, каждый из которых вносит свой посильный вклад в коллективный опыт всего человечества. А сам он смотрит на себя как на ещё одного из этих исследователей. Потому-то наука и развивается, что каждый новый её творец надстраивает новые этажи над уже существующим зданием, а не начинает его с нуля. Для сторонника же «рениксы» наука — это узкий мирок, находящийся в заговоре против всего остального человечества.

Один бывший студент, объясняя мне, почему он разочаровался в науке, сказал: «Здесь нельзя считать себя учёным, не признав сначала, что и вон тот (ткнув пальцем куда-то в пространство) — тоже учёный!» Либо он спутал научное сообщество с антинаучным, либо... чем-то не тем заняты его учителя. Именно в антинауке главный вопрос — не поиск истины (здесь она не сильна), а поиск корифеев. Вспомним случай с Й. Штарком, метившим в «диктаторы физики», и А. Эйнштейном, который никуда не метил, а занимался своим прямым делом. Если какая-либо научная группа занимается саморекламой больше, чем исследованиями, — значит, она либо изначально не научна, либо вступила на путь перерождения.

Мистик не понимает, что наука — это особая сфера человеческой деятельности, с совсем иными целями и методами, чем те, к которым привык он. Наука кажется ему всего лишь ещё одной формой мистицизма, одной из многих, и борется он с нею так же, как с прочими конкурентами на «духовном» поле. Откроем словарь В. И. Даля:

«НАУКА, ученье, выучка, обученье <...>; || чему учат или учатся; всякое ремесло, умение и знание; но в высшем знач. зовут так не один только навык, а разумное и связанное знание; полное и порядочное собранье опытных и умозрительных истин какой-либо части знаний; стройное, последовательное изложение любой отрасли, ветви сведений» (Даль 1955: II, 488).

Как видим, под определение В. И. Даля — даже «в высшем знач.» — подпадает не только наука в современном смысле, но и философия, и даже религия, которая тоже ведь не лишена «опытных истин». Он не понимает ни разницы между наукой как сферой деятельности и как учебным предметом, ни того, что современное понятие науки, берущее начало с Галилея и Ф. Бэкона, безмерно далеко от античного понятия, обозначавшегося тем же словом. Античная наука — это действительно вариант магии, перед которой даже её теоретики, от Аристотеля до Эпикура (сколько они ни разны), ставили лишь одну задачу — совершенствование духа познающего субъекта. И совершенно прав был Тертуллиан, когда считал, что Евангелие упразднило необходимость в *такой* науке. Но ведь к современному экспериментальному знанию все эти споры никакого отношения не имеют. Об этой сфере ни Эпикур,

ни Тертуллиан понятия не имели, а стало быть, как писал Грозный Курбскому, «сие к нам неприлично».

Мистику кажется, что наука — это «царство необходимости», покидая которую, он одним прыжком попадает в «царство свободы». Но свободы здесь не больше, чем у человека, «свободно» падающего в сорвавшемся лифте (классический пример из эйнштейновской физики): падение свободно *до срока* — пода лифт не достигнет дна шахты, — а это случится через несколько секунд.

Научное мышление означает скованность законами природы. Например, если Ньютон доказал, что «действие равно противодействию», — учёный не может ограничивать этот закон своим произволом без надёжного обоснования. Не то чтобы он был вообще не вправе это делать, но для опровержения ньютоновских законов требуется эйнштейновская процедура. А на это не всякий способен. Получается, что наука ограничивает свободу таким высоким личным потенциалом, который встречается у единиц. И это возмущает мистика, чувствующего, что в число этих единиц он не входит. Возможно, сам себе он кажется даже демократом: мол, суждение о Вселенной — право не только избранных, не только «высоколобых интеллектуалов».

Но мистическое мышление тоже сковано, и даже больше, чем научное: сковано словом признанных авторитетов, у которых не принято спрашивать, откуда они взяли свои прозрения. В столкновении, например, русских и румынских националистов аргументы исчерпываются за пять минут (они скудны и всем хорошо известны), а затем уступают место тривиальному вопросу: «так ты с нами или не с нами?»

В таком контексте формула Маркса: «свобода есть осознанная необходимость» — и формула Шпенглера: «Мы должны желать исторически неизбежно или не желать ничего» — поворачиваются новой гранью. Мы не вольны желать чего попало: летать без крыльев и аппаратов, получать Нобелевскую премию ежеквартально, задавать вопросы Богу из мелкого любопытства (что рассчитывала делать, попав на тот свет, ещё фрейлина Загряжская). Чтобы действовать успешно, мы должны чётко знать свои *возможности* и их *пределы*, «яже не преjdeши» (Пс. 103:9), которые со всей неумолимостью очерчиваются наукой. Но и в этих пределах свободы у нас достаточно, чтобы удовлетворить даже самую анархическую волю. «Достаточно сообразить, что судьба человека, живущего в обществе, неразрывно связана с волей и поведением сотен тысяч людей» (Китайгородский 1967: 150), чтобы понять: научная закономерность и человеческая свобода друг друга не отменяют. Дать точные предсказания в ситуации, описанной А. И. Китайгородским, наука не может и не берётся. Это значит — здесь мы свободны, как «воробей в клетке для орлов» (С. Е. Лец).

А что вы предлагаете взамен? «Протестовать избирательными бюллетенями против землетрясения в Мексике» (Я. Гашек)? Выступать сомкнутыми рядами против устройства Солнечной системы? Но такие выступления не только по определению бесплодны, но и удручающе однообразны, несмотря на их внешнюю пестроту. Сравнительная мифология показывает: мифы всех народов мира, несмотря на их яркие одежды, опираются на один и тот же, до ужаса скудный, набор архетипов. К современным мифам, которые — конкурируя между собой — пытаются обоб-

щить этот материал (ОДИН И ТОТ ЖЕ) по всему миру и вывести из него общий знаменатель, это относится в ещё большей мере.

Да, архетипы — врождённые шаблоны человеческого миропонимания, и всё, что не вписывается в них, вряд ли будет многими понято, как не удержится на орбите планета, если эта орбита лежит не в плоскости эклиптики. Но значит ли это, что плоское осознание плоскости — предел человеческого познания? Что и в имеющихся пределах нет безумно интересных возможностей? Что тот, кто вообще не видит противника и бесцельно молотит воздух вокруг себя, — хороший боец?

V.3.2. Критерии антинауки

Итак, если оставить в стороне паранауку (она обычно распознаётся легко), то каковы же критерии квазинауки? На основе имеющихся работ на эту тему (Китайгородский 1967; Мигдал 1982; Холтон 1992; Кругликов 2003; и др.) их можно подытожить следующим образом:

- 1) Претензии на полный переворот в науке в каждом отдельном случае.
- 2) Противопоставление себя не одной какой-то научной школе, а всей прежней профессиональной («официальной» или «цеховой») науке, выдающее, что сам автор не рассчитывает войти в «цех» и не разбирается в его структуре.
- 3) Отказ от опоры на все прежние достижения науки («зачёркивание» их, по А. И. Китайгородскому), вплоть до отрицания установленных фактов.
- 4) Непонимание или игнорирование различий между наукой и scientизмом, между наукой и тем, как государство использует её достижения.
- 5) Понимание истины как соответствия наших представлений не реальности, а нашим же ценностям (мифологический критерий «правды»).
- 6) «Гипоплептическая» логика, то есть непонимание или игнорирование разницы между непроверенной гипотезой и теорией, обоснованной по всем правилам. Либо надежда, что догадки автора когда-нибудь будут доказаны... кем-нибудь другим.
- 7) «Междисциплинарные» притязания — в форме смешения научных сфер и переноса методов одних наук в другие без должной апробации их применимости в новой области.
- 8) Претензия на соединение в рамках одной теории научного и ненаучного стиля мышления (гибриды мифологии, религии и даже философии с элементами научных знаний).
- 9) Отрицание значения экспериментального метода или его модификация (от опоры на немногие и неаккуратно поставленные опыты до ограничения эксперимента рамками только физических наук). Прежде всего — отрицание такого важнейшего требования к эксперименту, как повторяемость и воспроизводимость результатов.
- 10) Смешение научного и художественного стиля письма, дающее основание считать «научной» нечёткую художественную логику, но при этом пользоваться научной терминологией, теряющей в таком употреблении свою определённость.